
Последняя глава,
или
Смерть по расписанию
Уютный детектив
Юбилей издательства «Красная строка»
Последняя глава
....она обязательно заметит что-то не так"
стр. 47

Милана Панова

Последняя глава или Смерть по расписанию

https://litres.ru/74703352
SelfPub; 2026

Аннотация

В издательство «Красная строка» приходит анонимная рукопись «Последняя глава». В ней до минуты расписано убийство основательницы издательства на её юбилейном вечере, до которого остаётся три дня. Текст безупречен, ошибка в нём только одна: на сорок седьмой странице пропущена запятая. Корректор Нина Платонова понимает, что это знак лично для неё. Отменить вечер нельзя, а круг подозреваемых огромен: коммерческий директор, юрист, звезда-бестселлерист с пуделем, дизайнер, бухгалтер и секретарь, который подслушивает. Рядом с Ниной капитан Громов и рыжий кот Эклер. Эта книга самостоятельная, читать можно отдельно от предыдущих частей.

Милана Панова
Последняя глава или Смерть по расписанию

Последняя глава, или Смерть по расписанию
Серия «Красный карандаш», книга 10

Глава 1. Последняя глава

Рукопись лежала на столе Маргариты Викторовны, как лежит на столе хирурга то, что ему предстоит вскрыть: аккуратно, ровно, под ярким светом. Серая картонная папка, завязки, на обложке печатными буквами одно только название: «ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА». Ни автора, ни адреса, ни телефона.

— Садись, — сказала Маргарита Викторовна. — Чай хочешь?

— Хочу.

— Лена!

В дверь просунулась голова секретаря Лены, рыжая, испуганная, с карандашом в причёске.

— Две чашки. И не подслушивай.

— Я не подслушиваю.

— Ты подслушиваешь с одиннадцати утра. Иди.

Лена исчезла. Маргарита Викторовна, женщина шестиде-

сяти двух лет, невысокая, прямая, с короткой седой стрижкой и взглядом, от которого увольнялись целые отделы, откинулась в кресле и посмотрела на меня.

Должна пояснить, если вы не читали предыдущие истории. Меня зовут Нина Платонова, я корректор и заместитель директора издательства «Красная строка». Маргарита Викторовна — его хозяйка, основательница и, по совместительству, человек, который однажды сказал мне: «Запятая — это жизнь, Нина. Поставишь не туда — и всё». С тех пор я делаю вид, что это шутка. Но это не шутка.

— Рукопись пришла в среду, — сказала она. — В обычном конверте, без марки. Охранник нашёл на пороге. Я начала читать вечером, думала, очередной графоман. На десятой странице у меня закончился чай. На пятидесятой закончилось терпение.

— Что там?

— Прочти сама. Потом поговорим.

Она подвинула папку. Я развязала тесёмки.

Первая страница была пуста, если не считать эпиграфа: «Лучшая редактура — та, которой никто не замечает. До тех пор, пока не станет поздно». Дальше шёл текст, набранный аккуратным шрифтом, с широкими полями, с нумерацией страниц, как у людей, которые знают, как должна выглядеть рукопись.

«Глава первая. Юбилей.

В пятницу, двадцать пятого, в Купеческом собрании со-

стоится торжественный вечер по случаю двадцатилетия издательства „Красная строка“. Приглашены двести сорок гостей. Среди них авторы, книготорговцы, журналисты, блогеры и представители холдинга „Литмаг“, который давно мечтает проглотить „Красную строку“ целиком, как удав кролика.

Маргарита Викторовна Дымова, основательница, выйдет на сцену в двадцать один час тридцать минут. Она произнесёт короткую речь, поблагодарит коллектив и поднимет бокал. Бокал будет заранее налит и поставлен на специальный столик с её инициалами. В двадцать один час сорок минут она сделает первый глоток.

В двадцать один час сорок две минуты она умрёт».

Я перечитала последний абзац и подняла глаза.

— Дымова, — сказала я. — Я всегда забываю вашу фамилию.

— Я тоже, — сухо ответила Маргарита Викторовна. — Читай дальше.

Дальше автор подробно, без пафоса, почти деловым языком, описывал, как всё произойдёт. Какой на хозяйке будет костюм: тёмно-синий, с брошью-пером. Какого цвета будет столик: белый, с золотыми буквами «М. В.». Как в зале погаснет верхний свет и останется лишь прожектор. Как вынесут торт в виде раскрытой книги. И как, после первого глотка, она слегка побледнеет, схватится за край стола и тихо сядет на пол.

Ни имён убийцы. Ни мотива. Только обстоятельства, которые мог знать человек, хорошо знакомый с планом вечера.

— Откуда он знает про брошь? — спросила я.

— Она у меня одна. Я надену её, потому что мне её подарил муж.

— А про столик с инициалами?

— Это придумали вчера. Про него знают пять человек.

— А про торт?

— Про торт знает кондитерская и Лена.

Я пролистала дальше. Вторая глава была посвящена «подготовке»: кто и где стоит, какая выписана охрана, кто разливает шампанское. Третья — «подозреваемым». Четвёртая — «улике». Но каждая заканчивалась на полуслове, на многоточии, как будто автор хотел заинтриговать и не договорил. Последняя глава называлась «Последняя глава» и состояла из одной строки: «Об остальном вам расскажет Нина Платонова. Она обязательно заметит».

Я перевернула страницу и увидела то самое предложение. Оно было напечатано посреди чистого листа:

«Нина Платонова обязательно заметит что-то не так».

Запятой перед «что» не было. Ни одной.

— Теперь понимаешь? — тихо сказала Маргарита Викторовна.

— Это не опечатка.

— Конечно, нет. Весь текст набран идеально. Я проверила: ни одной ошибки, ни одной описки, ни одного лишнего

пробела. И только здесь, на сорок седьмой странице, пропущена запятая. Причём в такой очевидной конструкции, что ошибиться мог только тот, кто хотел ошибиться.

— Или хотел, чтобы я заметила.

— Именно.

Вошла Лена с подносом. Поставила чашки, печенье, лимон. Хотела что-то сказать, но Маргарита Викторовна подняла бровь, и Лена испарилась.

— Вы будете отменять юбилей? — спросила я.

— Нет.

— Маргарита Викторовна.

— Нина, ты знаешь, сколько это стоит? Двести сорок гостей, зал, кейтеринг, музыканты, торт. У нас на кону договор с «Литмагом», и если юбилей сорвётся, они решат, что мы слабы. Нет. — Она отхлебнула чая. — Я не отменю. Но и умирать не собираюсь.

— Что вы хотите?

— Хочу, чтобы ты нашла автора. До пятницы.

— Сегодня вторник.

— Четыре дня. Хватит.

— Это полиция должна делать.

— Полиция, — сказала Маргарита Викторовна, — спросит, есть ли мотив, угрозы, свидетели. А у меня есть только папка. Если я принесу её Андрею, он выслушает и скажет «подождём». А «подождём» в моём возрасте не подходит.

— Андрей не такой.

— Он хороший. Но он милиционер. А тут нужен тот, кто читает.

Она встала, подошла к окну. За окном, на подоконнике второго этажа издательства «Красная строка», сидел рыжий кот с кисточками на ушах и смотрел на двор. Это Эклер, мой кот, который с некоторых пор считает, что «Красная строка» принадлежит ему, а мы здесь работаем по найму.

— Нина, — сказала Маргарита Викторовна, не оборачиваясь. — Я двадцать лет строила это издательство. Мы начинали вдвоём с Зоей Аркадьевной в подвале, на одном принтере. Я никого не боюсь. Но мне не по себе, когда кто-то знает про меня больше, чем я сама.

— Я найду.

— Знаю.

— Но мне нужен доступ ко всему. К переписке, к бухгалтерии, к договорам.

— Получишь.

— И Катя мне понадобится.

— Забирай.

— И ещё. Вы не должны оставаться одна. Ни на минуту.

— Хорошо. — Она повернулась и впервые за разговор улыбнулась. — Тогда мне придётся терпеть Эклера. Он, я заметила, хороший телохранитель.

Эклер, как будто услышав, спрыгнул с подоконника, прошёл по кабинету и сел у её ног. Она нагнулась, почесала его за ухом, и он снисходительно зажмурился.

Я взяла рукопись и вышла. В коридоре меня ждал вопрос, который я задала себе вслух:

— Кто мог написать идеально грамотный текст и допустить ровно одну ошибку?

— Только тот, кто знает, что её найдут, — ответил из угла голос Кати.

Она стояла, прислонившись к стене, с блокнотом и в огромном свитере, который делал её похожей на добродушную сову.

— Ты подслушиваешь? — спросила я.

— Лена тоже. Нас двое. — Она вздохнула. — Нина Сергеевна, я так боюсь. Расскажите, что делать.

— Для начала, — сказала я, — читать.

Глава 2. Двадцать пять человек

У каждой рукописи есть своя география. Нужно просто понять, где в ней север.

Я разложила листы на столе в переговорной, пригласила Катю, Глеба и Андрея, который приехал в обед, увидев в телефоне моё сообщение «срочно, не по работе». Он молча прочёл папку, подчёркивая что-то в блокноте, потом снял пиджак, повесил на спинку стула и сказал:

— Это не шутка.

— Я знаю.

— Это серьёзно подготовленный план. Кто-то имеет доступ к графику вечера, к рассадке, к меню. И знает про

брошь.

— Про брошь знают двое: Маргарита Викторовна и её сестра в Туле.

— А кроме них?

— Все, кто видел её на прошлых мероприятиях.

— Значит, сотни.

— Но про столик с инициалами знают только организаторы. — Я достала список. — Вот. Двадцать пять человек. Те, кто был на совещании в понедельник, когда обсуждали церемонию.

Список составила Катя. Мы читали его вслух, как поминальный.

— Зоя Аркадьевна Пчёлкина, главный бухгалтер, — прочла Катя. — Двадцать лет с Маргаритой Викторовной. Подруга. Практически сестра.

— Мотив?

— Никакого. Хотя она в последнее время нервничает. Мне Лена говорила: Зоя Аркадьевна что-то прячет в сейфе.

— Следующий.

— Станислав Игоревич Ермаков, коммерческий директор. Пришёл три года назад, быстро вырос. Лоббирует сделку с «Литмагом». Говорит, что без инвестора издательство не выживет.

— Мотив есть, — сказал Андрей. — Если сделка срывается из-за Дымовой, он выигрывает от её исчезновения.

— Но он же сам хочет продать компанию, — возразила

Катя. — А Дымова не хочет.

— Вот именно.

— Дальше. Борис Кузьмич Лавров, штатный юрист. Шестьдесят лет, сутулый, молчаливый. Работает с самого основания.

— Зачем ему?

— Не знаю.

— Тимур Асланов, главный художник. Тридцать четыре года, талантливый, вспыльчивый. Недавно подал заявление, потом забрал.

— Почему?

— Говорят, что поссорился с Дымовой из-за обложки.

— Лена, секретарь. Рыжая, подслушивает.

— Это не мотив, — заметил Глеб.

— Для издательства это мотив, — вздохнула я. — Дальше.

— Лидия Вересаева.

Мы все вздохнули. Лидия Вересаева была главной звездой «Красной строки», автором романов, которые лежат на каждом вокзале: «Любовь в шёлке», «Три шага до рассвета», «Поцелуй на рассвете», «Рассвет без поцелуя». Тираж каждой книги — сто тысяч. Сорок два года, холёная блондинка с идеальным маникюром, которая приезжала в издательство раз в квартал в сопровождении пудельчика по имени Бонапарт и заявляла, что не потерпит «ни единой правки в моём тексте».

— У неё контракт на следующий роман, — сказала Катя.

— Аванс миллион двести. Но работы нет.

— Как нет?

— Она сдаёт рукописи вовремя, но, говорят, последние два года пишет всё хуже. А вот предпоследний роман, — Катя понизила голос, — был прекрасен.

— Это ты почему так решила?

— Потому что я его читала. И потом читала последний. Это два разных автора.

Андрей поднял бровь.

— Ты намекаешь, что за Вересаеву кто-то пишет?

— Не намекаю. Говорю.

— Это не преступление.

— Нет, — сказала я. — Но это мотив. Если автор, который пишет на самом деле, решил отомстить.

Мы замолчали. Лена за дверью громко чихнула.

— Лена, заходи! — крикнул Андрей.

Дверь приоткрылась. Лена вошла, красная, с подносом.

— Я принесла кофе.

— Благодарю, — сказал Андрей. — А теперь присядь и расскажи всё, что слышала про юбилей.

— Я ничего не слышала.

— Лена.

Она вздохнула и села на край стула.

— Ну, хорошо. Слышала, что Станислав Игоревич и Борис Кузьмич в понедельник вечером спорили. Тихо, в кабинете. Я шла мимо с чаем. Они говорили про какую-то дове-

ренность. Станислав Игоревич сказал: «Ихний подпис надо просто ложить на стол». А Борис Кузьмич сказал: «Тише, тише».

— «Ихний» и «ложить», — повторила я.

— Да.

— Так и сказал?

— Он вообще так разговаривает. Все привыкли.

Я посмотрела на рукопись. Потом на Катю. Потом на Андрея, который уже тянулся к блокноту.

— Подожди, — сказала я. — Лена, давно Ермаков так говорит?

— С самого начала. Нам кажется, у него это от смущения.

— А вы бывали на обедах, когда он выступает на публику?

— Бывали. Он там пишет шпаргалки, чтобы не ошибиться.

Я открыла рукопись на странице тридцать пять. Там, в разделе «Подозреваемые», был диалог. Сухой, короткий, без авторских комментариев.

«— Ихний подпис надо ложить на стол, пока она не передумала.

— Тише.

— Что тише? Она всё равно ничего не поймёт».

Я прочла вслух. В переговорной стало очень тихо.

— Это слово в слово, — сказала Лена едва слышно. — Это то, что я слышала в понедельник.

— Только с одной разницей, — сказала я. — Ты слышала

«подпис». А здесь написано «подпис». Тоже с ошибкой. Не «подпись», а «подпис». Мягкий знак пропущен. Автор записывал диалог с чужих слов, не исправляя ошибок.

— Зачем?

— Чтобы мы узнали, кто говорит.

— Значит, — медленно сказал Андрей, — автор не придумывал диалоги. Он их записывал.

— Или подслушивал.

— Или был в комнате.

— Ермаков и Лавров, — произнесла Катя. — Двое.

Я кивнула. Но что-то в этой стройной картине меня беспокоило. Слишком просто. Слишком быстро. И слишком похоже на ловушку.

— Это только начало, — сказала я. — Нужно слушать дальше.

Глава 3. Редакция «Красная строка»

На следующее утро я пришла в издательство на час раньше обычного и обошла этаж, как обходят палубу перед штормом.

Редакция «Красная строка» занимает старинный двухэтажный особняк в центре Н-ска с колоннами, широкой парадной лестницей и дубовыми дверями, на которых висят таблички с именами тех, кто давно уволился. Внизу сидят отдел продаж, бухгалтерия, склад. Наверху редакторы, корректоры, дизайнеры и кабинет Маргариты Викторовны, в ко-

торый ведёт узкий коридор с портретами классиков.

Первой я встретила Зою Аркадьевну Пчёлкину, главного бухгалтера. Она стояла у кофейного автомата и мрачно смотрела на кнопку «эспрессо».

— Нина, — сказала она. — Ты знаешь, что этот автомат не даёт сдачи?

— Знаю.

— А у меня только пятитысячная.

— Зоя Аркадьевна, можно поговорить?

Она посмотрела на меня поверх очков. Ей было шестьдесят, она носила строгие костюмы и громадные янтарные бусы, а голос у неё был густой, как дорогое какао.

— Про рукопись?

— Да.

— Идём.

В её кабинете пахло бумагой, пылью и мятными леденцами. Вдоль стены стояли шкафы с папками, на столе калькулятор, который, по слухам, помнил ещё советскую власть. В углу, за ширмой, находился небольшой стальной сейф.

— Мне Маргарита сказала, что вы расследуете, — начала Зоя Аркадьевна, усаживаясь. — Хочу сразу: я ничего не писала и не знаю, кто писал. Но кое-что скажу.

— Слушаю.

— Последние два года в нашей кассе творится что-то странное. Тиражи не сходятся. Мы печатаем сто тысяч Вересаевой, а по бухгалтерии проходит семьдесят. Куда делись

тридцать, непонятно. Деньги поступают, но частично. Я пыталась разобраться. Ходила к Станиславу Игоревичу, он сказал: «Зоя Аркадьевна, не берите в голову, это складские издержки». А потом ко мне в кабинет начали заходить люди, которых я не знаю. Якобы на аудит.

— Аудит заказывала Маргарита Викторовна?

— Нет. Заказывал Станислав Игоревич. Через холдинг «Литмаг». — Она сняла очки и потёрла переносицу. — Нина, я скажу прямо. Мне кажется, что кто-то готовит подмену. Нашу компанию хотят продать, причём не по настоящей цене. А для этого нужно убрать человека, у которого стопроцентный контроль.

— Маргариту Викторовну.

— Да.

— Вы думаете, это Ермаков?

— Я думаю, что Ермаков глупее, чем кажется, и умнее, чем показывает. — Она усмехнулась. — Он не станет рисковать сам. Он найдёт того, кто сделает.

— Лавров?

Зоя Аркадьевна помолчала.

— Борис Кузьмич. Знаешь, у него в последние месяцы тоже странный вид. Он перестал приходить на обеды. Запирается. Я как-то зашла к нему без стука, а он прячет что-то в ящик. Похоже на печать.

— Какую печать?

— Нотариальную. Но у него нет права на нотариальную.

Я записала. В голове крутилась одна мысль, не мысль даже, а ощущение, как зуд от плохо поставленной запятой.

— Зоя Аркадьевна. А что у вас в сейфе?

— Что?

— Лена говорила, что вы что-то прячете.

Она резко выпрямилась, лицо её порозовело.

— Лена должна заниматься своими делами.

— Это важно.

— Это личное.

— Если бы это было личное, вы бы не волновались.

Зоя Аркадьевна посмотрела на меня долгим тяжёлым взглядом. Потом встала, отодвинула ширму, набрала код и открыла сейф. Внутри лежала аккуратная стопка бумаг, перевязанная ленточкой, и маленькая фотография в рамке.

— Здесь, — сказала она, — копии всех первичных документов за последние два года. Накладные, акты, договоры. Я начала собирать их, когда заметила расхождения. А это, — она подала фотографию, — мой муж. Умер десять лет назад. Он говорил: «Зоя, храни всё. Бумага не врёт».

Я взяла фотографию. На ней стоял добродушный усатый человек с рыбой в руках.

— Он был рыбаком?

— Бухгалтером, — вздохнула она. — Но рыбу любил больше.

— Зоя Аркадьевна, мне нужны эти копии.

— Забирай. Только осторожно. Если Ермаков узнает…

— Не узнает.

Я осторожно вынула папку, спрятала в сумку и поблагодарила. На пороге Зоя Аркадьевна вдруг схватила меня за руку.

— Нина. Маргарита ничего не говорит, но я вижу: она боится. Она храбрится, а на самом деле боится. Ты же защитишь её?

— Обязательно.

— Спасибо. — Она отпустила мою руку. — А то я без неё пропаду. Мы двадцать лет вместе.

Дальше я пошла к дизайнеру. Тимур Асланов сидел в своей студии на втором этаже, среди эскизов, макетов и пустых кофейных стаканов. Он был тридцати четырёх лет, чернобородый, горбоносый, в чёрной футболке с дырой на локте и с карандашом за ухом.

— Нина Сергеевна! — Он вскочил. — Давайте скорее, у меня дедлайн!

— Тимур, мне нужно две минуты.

— Это про юбилей?

— Да.

— Я не писал рукопись. Хотя идея хорошая, я бы тоже убил Ермакова.

— Ермакова?

— Он урезал бюджет на обложки в три раза. Говорит: «Читателю всё равно, как выглядит книга, главное, чтобы страницы были». Я ему сказал: «Станислав Игоревич, чита-

тель покупает обложку». Он: «Читатель покупает автора».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.